

БРОНЗОВЫЙ ЖУК

Вот и в наши края добралось
Травяное славянское лето.
Все леса и озёра насквозь
Нисходящим пронизаны светом.

Смолянистый, душистый, густой
Дух летает на каждой поляне.
Жук из бронзы гудит надо мной:
– Тут молились и пели славяне!

Древний житель из прошлого дня,
К смене лиц и наречий привычный!
Ты запомни теперь и меня,
И ладони в соку земляничном.

Может быть, через тысячу лет,
Прилетая на детские крики,
Прогудишь: – Тут когда-то поэт
Перепачкался весь в землянике!

Будешь древнею бронзой гореть.
Будут травы дышать чудесами.
Будут дети на это смотреть
Голубыми моими глазами.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Тихо-тихо...
Воздух полон влагой.
Ни единый лист не задрожит.
И слышнее стало: по оврагу
Ручеёк серебряный бежит.

И едва, но всё же уловимо –
Там, где тёмн, грозен окоём –
Тучи и лениво, и ворчливо,
Потихоньку спорят о своём.

А в овраге звёрушка любая,
Закрывая лапками глаза,
Думает, в тревоге засыпая:
– Будет дождь... наверное – гроза...

В ЛЕСУ

А жизнь пройдёт, как лёгкий летний сон,
И станет лесом то, что было нами...

А лес глядит, глядит со всех сторон
Зелёными и добрыми глазами,
И эхом далеко разносит крик,
И шелестит доверчиво листвою.

И кажется, что был когда-то миг:
Я лесом был, а он когда-то – мною.

* * *

Какая-то птица ночная
Кричала, не пела вдали.
Какая-то тяга печная
Тянула мой дом из земли.

И дверь, отворясь, заскрипела,
И кто-то качнул зеркала!
Зачем эта птица не пела!?
И птица ли это была?

Скорее затеплить лампаду!
И двери надёжней замкнуть!
Губами коснуться оклада,
Крестом осенить свою грудь,

Чтоб впредь ничего не скрипело,
Не думалось впредь о худом.
И крепко в родимом пределе
Стоял мой родительский дом.

*Диане Кан, Евгению Семичеву
...я скатаю родину в яйцо...*

Юрий Кузнецов

Я скатаю Родину в яйцо,
Положу в заплечную котомку.
К вам, Рубцов, Есенин, Кузнецов,
Понесу родимую сторонку.

Вытру ноги, прежде чем войти,
О лучей небесную солому.
Спросят:
– Ёмкин? Слышали, входи!
Что принёс хорошего из дому?

Вытряхну котомку всю как есть,
Раскатаю Родину обратно.
Кто-то плакать станет, кто смотреть
Молча, кто креститься троекратно...

Отцелуют...
И, в конце концов,
От родимой оторвут колени.
И тревожно спросит Кузнецов:
– Как Диана?.. Семичев Евгений?..

А затем, хмелея понемножку,
Про дожди да пристани во мгле
Запоёт рубцовская гармошка,
Как когда-то пела на селе.

Пётр-Ключник выйдет на тальянку,
Светит крест с апостольской груди,
Скажет:
– Всё! Заканчивай свиданку!
Ежели помрёшь – то приходи!

– Что ж, прощайте!
Обниму поэтов,
И, украдкой вытерев слезу,
Я обратно золото приветов
И небесных песен принесу!

ПИСЬМО ДРУГУ

Вячеславу Лютому

Мой милый друг! К тебе мои слова
Из захолустья, где столетья дышат,
Цветут цветы, растёт себе трава,
И неба край зарёю алой вышит.
Ты знаешь,
Здесь, вдали от суеты,
Живу, ничем не бедствуя, не маясь.
В душе слова простые, как цветы,
Растут, всему земному откликаясь.
Вот так и жить...
И мимо вся молва,
Что миром правят сила, злоба зависть.
Не верю!
И мои встают слова
С небесным и земным переключаясь.

Здесь словом мир легко объединим.
Ему равны и вечность, и мгновенье...
Здесь отмолил надолго Серафим
Моей душе покой и поклоненье
Родным местам.
У берега иного
Мне не пропеть.
А тихо неспроста
Всегда пою – молитвенны места...
И тихое – всегда доходней к Богу.

Я от того пишу тебе подробней,
Что слово мне дано взамен всего...
А чувствуя, что рядом Преподобный,
Всегда прошу за друга своего.
Ответишь ли?
А может, вовсе: снова
Возьмёшь – да и объявишься в местах,
Где мы с тобою чествовали СЛОВО.
Ну, дай то Бог!
Мой Лютый Вячеслав!

ИЗ ДЕТСТВА

К речке спуск – у старой ивы.
Ива, голову склоня,
Смотрит: я неторопливо
Подвожу к воде коня.

У него глаза, как сливы.
Вены бороздят виски.
На губах его – седые
Щёкотные волоски.

Коник, фыркая, напьётся,
Капли падают с губы –
На осколки солнце бьётся
Где-то около воды.

Вот, последняя сорвётся –
Станет тихо так везде...
Солнце в блюде соберётся
На кувшинковой воде.

Мы обратно мимо ивы
Не спеша пойдём домой.
Конь помахивает гривой,
И слегка звенит уздой...

ПАСХА

Ах, как колокольни пели-плакали,
И качался колокол небес,
Оттого что под святыми знаками
Мне сказали: Боженька воскрес!

Я, одетый к празднику «прилично»,
Как бабуся любит говорить,
Красное красивое яичко
Отправляюсь Боженьке дарить.

Он возьмёт красивое яичко,
Улыбнётся, малого обняв,
И, как мама делает обычно,
Поцелует в маковку меня.

Я приду домой и милой маме
Расскажу: Яичко я отдал!
А меня тот Боженька во храме
Словно ты, – скажу, – поцеловал!

Я запомнил: всё тогда лучилось!
Звонко птица пела: «Динь-дилень!»
Чтобы дальше в жизни ни случилось,
Буду помнить синий-синий день,

То, как колокольни пели-плакали
И качали колокол небес!
От того, что под святыми знаками,
Боженька воистину воскрес!

* * *

Памяти Родиона Лютого

Я с вами, птицы, говорю
На вашем, птичьем.
Я так давно боготворю
Его величье.
По человеческим выживать
Устал законам.
И свистом крыл хочу я стать
И вашим звоном.

ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ

Римме Лютой

То не ветер с Бел-Алатыря
Вести в горсточке носил –
То мне Птица-Сирин плакала
Сказку из последних сил...

То не ветер исповедовал,
Гору горькую Горюн –
Это сказку мне поведала
Птица-дева Гамаюн.

Там, где Ворон перья выронил,
Сокол ясный пролетал.
Сокол Ворона повыловил.
Ворон речи затевал:

«Ясный, ясный ты Соколушко!
Смертным боем не когти!
Расскажу я, где Лебёдушка!
К воронятам отпусти!
Воронята плачут, бедные!
Я-то им всего нужней!
А у Лебедь – тело белое!
Много облака нежней!..
Расскажу я, где Лебёдушка
Морем синим проплыла
Со склонённою головушкой,
Белым-белы два крыла!»
Жили в поры те далёкие
Сокол – быстрые крыла,
Чёрный Ворон, мрачно клёкая,
Лебедь Белая была –
В море синем крылья плещутся...
Да далёко среди дюн
Сказки сказывали вещице
Птицы Сирин, Гамаюн.

Воронят за-ради вызнавший,
Сокол устремил полёт,
В те края, где, шейку выгнувши,
Лебедь белая плывёт.
Небеса тому свидетели:
Не устала налетать
Птица-Сокол Птице-Лебеди
Тело белое терзать.
И летели белы пёрышки
Среди зорек и зарниц,
И, тоскуя по Лебёдушке,
Обращались в певчих птиц.

И с тех пор, как Сокол праздновал,
И долины, и леса
Населили птицы разные
О ста разных голосах.
А из само-само белого,
Из изранена крыла –
Птица-Матерь Лебедь Белая,
Возродившись, поплыла.

То не ветер с Бел-Алатыря,
То не плач с Горы-Горюн,
Это – сказку Сирина плакала
Да вещала Гамаюн.

Сколь времён назад слетело...
Сколь достанет наперёд...
Сколь не станет!
Лебедь Белая
Всё плывёт, плывёт, плывёт.

* * *

Внуку Мише

Свetaет.
Таинственно, зыбко...
Туман по долине плывёт,
И словно качается зыбка,
И ангел как будто поёт

О том, что в Селеньях Небесных,
Где явлены негa и свет,
Ни страждущих нет, ни болезных,
Ни лишних у Господа нет!

Таинственно...
Зыбко...
Рассветно...
И пенье как будто вдали...
Ужели всё – отблески Света,
Который невидим с земли?

Свetaет.
Таинственно, зыбко...
Туман по долине плывёт.
И словно качается зыбка,
И ангел как будто поёт...

ОБЩАЯ МОЛИТВА

Когда просторы онемеют,
Как перед битвой,
– Слышишь, Русь?
Я за себя просить не смею.
Я за тебя молить берусь.

Ты знай!
В глухие дни забвенья,
Когда мы строже и немей,
В молитве общей – охраненья
Мы молим Родине своей.

На небесах из той молитвы,
Пускай куют доспехи в рост!
Чтоб мы вздохнули после битвы:
– Услышаны! Спаси, Христос!